

DOI: 10.46698/VNC.2021.86.33.001

Ю. А. ДЗИЦЦОЙТЫ,

ЦСАИ им. В. И. Абаева, Владикавказ, dzicc@mail.ru

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ. Т. 6

В 2020 г. исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося ираниста Д. И. Эдельман. Эта славная дата совпала с выходом в свет шестого тома «Этимологического словаря иранских языков»¹. Настоящей публикацией, которую мы рассматриваем скорее как замечания на полях, нежели как полноценную рецензию, мы присоединяемся к многочисленным поздравлениям в адрес Джой Иосифовны.

1. Осетинские этимологии в ЭСИЯ, т. VI

Осет. *abuzyn* | *abuzun* ‘вздуться, вспучиваться; разрастаться; бурлить’ вслед за В. И. Абаевым [1958: 24–25] возводится к *a-* + **ruz-* из праиран. **³rau-* : *pī-* ‘дуть, надувать(ся), вспучивать(ся); быть выпуклым, круглым’ с наращением *-z* [с. 262]. Этот корень считается звуко-символическим, выступающим в разных фонетических вариантах и с разными распространителями [Там же]. На осет. почве сюда же относятся *buk* ‘сгорбленный; согбенный’ [с. 263], *fu* ‘дуновение’, *futt* ‘дуновение ветра’ [с. 264]. На наш взгляд, к этой же базе можно отнести неразъясненные осет. *pusi* ‘вдутый; выпуклый; кукурузные хлопья’ (< **rau-* + **-s-*), *pix* | *rox* ‘пышный, пухлый, вздутый; мягкий’ (< **rau-* + **-x-*) и *ruzagæ* ‘капризный’ (< **капризничающий* < ‘надувшийся’). Очевидно, сюда же следует отнести осет. *pus* ‘пустой, пустотелый, неплотный’ (у В. И. Абаева [1973: 246] без определенной этимологии) и *pusy* ‘трусливый, малодушный’, *pusy sok’o* ‘дождевик (гриб)’². Сходные по семантике н.-перс. *pūk* ‘пустой (об орехе)’, *pūč*

¹ Д. И. ЭДЕЛЬМАН. Этимологический словарь иранских языков. Т. 6. М.: Наука — Вост. лит. 2020. — 464 с.

² Отношение между осет. формами *pus* и *pusy* такое же, как между *sy* ‘рог’ и *æssy id.* [Дзиццойты 2017: 183].

‘пустой (об орехе); со сгнившей сердцевинной’ и пр. относят как к праиран. *²rau- : *ru-, *rū- ‘гнить’ [с. 261], так и к *³rau- : rū- ‘дуть, надувать(ся), вспучивать(ся); быть выпуклым, круглым’ [с. 262]. Показательно, что в большинстве приведенных осет. слов праиран. *p- дало b- / p-, а не f-, как обычно, что, несомненно, объясняется звуко-символическим характером праиран. корня (см. ниже).

Осет. *æftawyn* ‘накидывать, набрасывать; прибавлять; вынимать, снимать; сносить яйца (о курице)’ вслед за В. Ф. Миллером [1962: 111] возводится к праиран. *¹pat- : *ptā- ‘лететь, стремиться; падать’, «с коррекцией в исходной огласовке: *u в м. *a» [с. 238]. Следовательно æ- это протеза? В. И. Абаев связывал осет. глагол с корнем *tau- или *θrau- [АБАЕВ 1958: 114–115; 1979: 239–242]. Первую из этих реконструкций повторил Дж. Чёнг, предложив этимон *apa-tāua- [ЧЁНГ 2008: 219–220]. Префиксальная форма *baft-un* ‘попасть (куда-л.)’ по семантике близка к русск. *по-пасть, по-падать* — от *падать: пасть*. Возможно, в *æftawyn* совпали основы *ptā- и *tau-.

Осет. *fajnost* | *fajnostæ* ‘ятровь, жена деверя’ вслед за В. И. Абаевым [1958: 417] возводится к др.-иран. *pati- ‘господин’ > ‘супруг’ + рефлекс праиран. *snauša- ‘невестка’ [с. 250]. Однако из *pati- в осетинском ожидали бы *fæc-. Для оправдания долготы в осет. форме Дж. Чёнг реконструировал этимон *pāti-, находящий поддержку в санскритском pāti- ‘господин, муж’ [ЧЁНГ 2008: 255]. Отсюда *facnust > *fajnost*, причем перебой с(з) > j произошел относительно поздно, уже после того, как перестал действовать закон сокращения *ā > æ перед *j.

Осет. *fasyn* ‘причесывать, расчесывать (шерсть, волосы)’ < праиран. *¹paś- ‘скрести; драть, чесать (волосы, шерсть)’ [с. 223]. Осет. слово предполагает этимон с долгим корневым гласным — *pās-, который не засвидетельствован ни в одном из иранских языков [с. 223–224]. Из *paś- в осетинском ожидали бы *fæsyn. Возможно, на огласовку осет. слова повлияла форма прош. причастия *fast* ‘причесанный, расчесанный’.

Осет. *fat* ‘стрела’. Вслед за Э. Бенвенистом [1965: 59] возводится к др.-иран. *pāθa- ‘движущееся орудие; снаряд’ > ‘стрела’ [с. 238, 296–298]. Несколько иначе [АБАЕВ 1958: 425].

Осет. *faz* | *fazæ* ‘половина, сторона’ возводится не к *pāg- : pāj-, как у В. И. Абаева [1958: 426–427], а к праиран. *pāža(h)- ‘(верхняя / передняя) сторона; поверхность; (верхняя) часть тела’ [с. 292–293, 298–299]. Аналогичную этимологию находим в [Топоров 1972: 42–44; ЧЁНГ 2008: 78, 256]. Сюда же отнесено осет. *fæz* | *fæzæ* ‘ровное, покрытое травой поле; равнина, выгон’ [с. 299], предполагающее этимон с кратким *a — *paža(h)-.

Осет. *fæ-* преверб, связываемый как с праиранским наречием, предлогом, превербом и префиксом *pati ‘против, перед; к, у’ [АБАЕВ 1958: 431;

ЭСИЯ, VI: 245], так и с древнеиранским превербом **pa-* (< и.-е. **po-*) [БЕН-ВЕНИСТ 1965: 109–112], сам факт существования которого признается не всеми исследователями [ЧЁНГ 2008: 150–153]. Полагают, что праиран. **pati* дало в осет. языке три разных рефлекса: *fæ-, fi- | fe-* и *fæj-* [ТАМ ЖЕ]. Однако наличие такого разнообразия рефлексов не совсем понятно. В рассматриваемом Словаре упоминается др.-иран. преверб **pa-*, представляющий собой усеченный вариант или слабую ступень праиранского **apa-* [с. 249, 271]. Не исключено, что и в осет. *fæ-* скрывается рефлекс этого же преверба. Любопытно отметить, что уже на праиранском уровне преверб **apa-* / **pa-* в ряде случаев контаминировался с префиксом **pati-* [ТАМ ЖЕ: 249], чего нельзя исключать и для праосетинского. Следующий пример убеждает в том, что осет. *fæ-* в ряде случаев действительно может восходить к др.-иран. **pati-*: с сакским *pasus-* ‘становиться хриплым’ (< **pati-sauš-*) этимологически связано осет. *fæsus* ‘хриплый’ [BAILEY 1979: 225]. Таким образом, осет. *fæ-* — это, скорее всего, др.-иран. **pati-* + **(a)pa-*.

Осет. *fædæg* ‘сосок груди’ вслед за В. И. Абаевым [1958: 427–428] возводится к праиран. **pātaka-* от корня **pā-* ‘пить, сосать’, хотя тут же отмечается, что вокализм осет. слова отражает в прототипе краткую **a* [с. 291]. На эту же трудность указал Дж. Чёнг, который предложил видеть в осет. *fædæg* рефлекс праиран. **pataka-* ‘нечто падающее вниз, нечто свисающее’ [ЧЁНГ 2008: 256]. В этом случае первоначально речь шла о вымени. Если все же оставаться на позиции В. И. Абаева, то можно предложить следующее объяснение сокращения **ā > æ*. Рефлексом праиран. **pā-*, *pā(i)-* : *pi-* ‘пить’ [с. 290–291] могло быть осет. **fæjun* : **fæjd*, т. к. др.-иран. **ā* перед **j* в осетинском всегда сокращается в *æ*. Эта форма и могла оказать влияние на огласовку слова *fædæg*.

Осет. *fæjnæg* ‘доска’ вслед за В. И. Абаевым [1958: 433] возводится к праиран. **pānaka-* [с. 283], что фонетически невозможно [Чёнг 2008: 257]: из этого этимона в осетинском ожидали бы **fonæg*. Этимон осет. слова следует восстановить либо в виде **pāi(a)-na-ka-*, что в результате закономерного сокращения **ā > a* перед **j* дало *fæj-*, либо **pān(a)-ja-ka-*, с последующей метатезой **nī > jn* и сокращением **ā > a*. Такое же сокращение произошло в другом производном от того же праиран. корня **pā-*, *pā(i)-* ‘охранять, оберегать; защищать; опекать, покровительствовать, заботиться; пасти’ > осет. *fæjjaw* > *fyjjaw* > *fijjaw* ‘пастух’ [с. 279]. Ср. также абсолютно бесспорный пример: праиран. **rā-ja-* ‘лаять’ > осет. *ræjyn* id. [с. 449, 450].

Осет. *færazyn* ‘мочь, быть в состоянии; выносить’ вслед за В. И. Абаевым [1958: 450–451] возводится к двум возможным этимонам, второй из которых (< **para-haž-*) считается более приемлемым, хотя отмечаются

трудности фонетического порядка: исторически долгий корневой **ā* остается необъясненным [с. 443]. Но это не так: падение интервокального **-h-* закономерно повлекло за собой встречу двух **a*, что привело к их сложению в одном **ā*-долгом. Совершенно аналогично происхождение *-a-* в абсолютно бесспорном примере: др.-иран. **upa-had(a)-* > осет. *bad(yn)* ‘сидеть’ [АБАЕВ 1958: 231; ЭСИЯ, III: 310; Чёнг 2008: 119, 181]. Дж. Чёнг полагал, что в осетинском *færazyn* совпали несколько этимонов, одним из которых могла быть каузативная форма **fra-rāzaja-* [Чёнг 2008: 261]. Между тем, преверб **fra-* в осетинском регулярно отражается в виде *ræ-* / *læ-*, что исключает предложенную им этимологию.

Осет. *færcy* | *færci* ‘благодаря, с помощью’ вслед за В. И. Абаевым [1958: 452] возводится к праиран. **paršta-* : *pršta-*, **paršti-* : *pršti-* ‘спина’ [с. 207]. Несколько иначе см. [Чёнг 2008: 261].

Осет. *fæsm* | *fans* ‘шерсть осенней стрижки’ вслед за В. И. Абаевым [1958: 459] возводится к праиран. **pašman-* ‘шерсть; пух’ [с. 229]. Огласовка осет. слова нуждается в комментариях. В. И. Абаев (Там же) отмечает вторичность дигорской формы, тогда как Дж. Чёнг, напротив, вторичной считает иронскую, которая могла испытать на себе влияние слова *fæsmyn* ‘шерстяной’ [Чёнг 2008: 262]. Второе из этих предположений кажется более приемлемым. Закономерное падение конечного *-an* привело к растяжению корневого **a* > *ā*, т. е. *a*-краткое в позиции перед двумя согласными конечного слога в осетинском языке всегда растягивается. Метатеза **fāsm* > **fāms* > *fāns* в дигорской форме произошла после XIV в., т. е. после того, как перестал действовать закон перехода *ā*-долгого перед носовыми в *o*. Иначе в дигорском имели бы **fons* вместо *fans*.

Осет. *fæxt* | *fæstæ* ‘ступка’ дается в гнезде праиран. **paiš-* : *piš-* ‘разбивать, раздавливать, размалывать, растирать; толочь, дробить’ [с. 98], хотя при этом остаются фонетические трудности: незакономерное развитие **ai* / *i* > *æ*; появление иронского *-x-*. Очевидно, исходной для обоих диалектов является форма **fæstæ*, сохранившаяся в дигорском диалекте. В иранских языках (авестийский, согдийский, бактрийский и др.) часто появляется вставной **x* перед кластером **st* [ЭСИЯ, VI: 88, 90, 224, 227, 350–351]. Вставка **x* встречается и в осетинском: *qær-axst* ‘истощный крик’ < *qær* ‘крик’ + суффикс *-ast*. Т. е. в праиранском могла существовать вторичная форма **fæxst*, преобразившаяся затем в *fæxt*. Появление корневого *-æ-* можно объяснить контаминацией с каким-то другим словом.

Осет. *fæzdon* ‘вымя’. Из предложенных для этого слова этимонов (см. [АБАЕВ 1958: 467–468]) наиболее убедительным признан праарийский этимон **payaz-dāna-*, букв. ‘вместилище молока’, где **payaz-* восходит к арийскому **pajās-* с озвончением конечного **-s* > **-z* перед звонким согласным

*d [с. 79]. То же в [ЭСИЯ, III: 89]. Однако развитие **aya* > *æ* необычно для осетинского. О трудностях интерпретации этого слова см. также [Чёнг 2008: 263]. Любопытно отметить, что название вымени в остальных иранских языках предполагает другой праиранский архетип **paia(h)-fstāna-* ‘сосок; вымя; женская грудь’ [с. 78–79]. Если этот этимон принять и для осетинского, то следует допустить упрощение трехслогового сочетания **fst* > **st* (ср. выпадение *-s- в *fæxt* < **fæxstæ*, см. выше) и озвончение **st* > *zd*.

Осет. *fæzzæg* ‘осень’. Г. В. Бейли возводил к др.-иран. **pati-ž(a)ja-ka-* ‘к зиме’, что принято В. И. Абаевым [1958: 469] и Д. И. Эдельман [с. 247], но отвергнуто Дж. Чёнгом [2008: 263].

Осет. *fɪppajyn* | *fɛppajun* ‘замечать, подмечать; догадываться’ вслед за В. И. Абаевым [1958: 475] возводится к др.-иран. **pati-pāh-*, где **pāh-* ‘смотреть, видеть’ трактуется как модификация праиран. **pā(i)-* ‘стеречь’ [с. 280]. Дж. Чёнг возводит осет. слово к **pati-pāja-* [Чёнг 2008: 265], что менее вероятно, т. к. **ā* перед **i* в осетинском должно было сократиться в *æ*. В [EDIV: 289] дана уже праформа **pati-paH*.

Подтверждено возведение осет. (диг.) *firton* ‘крупный рогатый скот’ к др.-иран. **piθra-na-* ‘мясной (скот); (скот,) доставляющий мясо’ [с. 82], предложенное В. И. Абаевым [1958: 475–476]. См. возражения [Чёнг 2008: 265].

Осет. *fugæ* | *fogæ* ‘рододендрон’ вслед за В. И. Абаевым возводится к праиран. **pācaaka-* ‘огонь’ [АБАЕВ 1958: 485; ЭСИЯ, VI: 255], что фонетически маловероятно [Чёнг 2008: 266]: из этого этимона в дигорском диалекте ожидали бы форму **fawæg*, а в иронском — **fwag* > **fag*. Осет. *fugæ* | *fogæ* предполагает этимон **paukā-*. Если осет. (диг.) *fagæ* ‘пшено’ относится сюда же [АБАЕВ 1958: 416–417; ЭСИЯ, VI: 255], то отражает фонетическую норму какого-то диалекта, близкого к иронскому.

Осет. *futæg* ‘лебеда садовая’ вслед за В. И. Абаевым [1958: 486] возводится к др.-иран. **pauθaka-*, производному от праиран. **rau-*: **pu-*, **pū-* ‘гнить, протухать; разлагаться; портиться’, т. к. эта основа зафиксирована в ряде иранских слов, обозначающих пахучие растения и насекомых [с. 261]. Сомнения у Дж. Чёнга [Чёнг 2008: 266].

Осет. *ippæryn* ‘разлучаться, удаляться, отделяться’, *ippærd* ‘разлученный, оторванный, отделенный, удаленный’, которое В. И. Абаев соотносит с *æpparyn* ‘бросать’ [АБАЕВ 1958: 545], Д. И. Эдельман вслед за Г. В. Бейли [BAILEY 1979: 243] возводит к праиранскому *²*par-*: *pār-*: *fra-* (< *pra-*) ‘проходить, переходить (через, сквозь), переправляться; переводить; отдаляться (за предел); быть отдаленным за предел (в пространстве и времени)’ [с. 146]. К этому же корню возведено осет. *æpparyn* ‘бросать’, которое В. И. Абаев возводил к корню **kar-* или **bar-* [BAILEY 1979: 243; ЭСИЯ, VI: 147].

Д. И. Эдельман отклоняет этимологию осет. *furd* | *ford* ‘большая река; море’ из **prtu-* (дериват праиран. корня *²*par-*) ‘переход, проход; место переправы, мост, брод’, принятую в целом ряде исследований [АБАЕВ 1958: 485–486; ФАСМЕР, III: 390; ВЕЛМЕЙЕР 1977: 241–242], т. к. в осетинском ожидали бы рефлекс в виде **fard* [с. 159]. Дж. Чёнг предлагал этимон **paruta-*, который связывал с авест. *pauruta-* название страны или водоема, скифским гидронимом *Πόρατα* (у Геродота), хорезмийским *pwrđ* ‘море’, русским гидронимом *Прут* [ЧЁНГ 2008: 179, 266]. Ср. также [АБАЕВ 1995: 14]. Отсутствие надежной иранской этимологии побудило некоторых ученых искать для осет. слова прапахское происхождение [NCED: 677]. Однако осет. слово без натяжки можно возвести к праиран. **paud-ra-* ‘нечто движущееся’ > ‘река’ > ‘большая река’ > ‘море’ от **paud-* : *puđ-* ‘двигаться, ходить; бежать, убегать; спешить’ (о котором см. [с. 265–267]). В плане семантики ср. авест. *zrayah-* ‘море’ при др.-инд. *jrayas-* ‘движение, стремительность, бег, течение реки’ из и.-е. **glejos-* от глагола **glei-* ‘течь, струиться’ [ЭДЕЛЬМАН 1994: 66; ЭДЕЛЬМАН 2009: 31–32].

Этноним *iron* ‘осетин’ вслед за Р. Л. Цаболовым и некоторыми другими учеными возводится к праиран. **uirā* ‘мужчины; народ’ от **uira* ‘мужчина; человек’ [с. 126]. То же в [ЧЁНГ 2008: 271]. Данная этимология представляется нам наиболее вероятной. В качестве семантической параллели ср. этноним *бирхор* у мундаязычных народов, большинство из которых называет себя *хо*, *хор*, *хоро*, что в переводе означает ‘человек’; иногда же к этому этнониму прибавляется суффикс *-ко*: *хороко* ‘люди’ [СЕДЛОВСКАЯ 1971: 27]. Точно так же этноним *коми* восходит к слову *ком*, означающему ‘человек’, ‘человек своего племени’, ‘народ’ [ЛЫТКИН 1971: 257].

Осет. *læwwyn* ‘стоять’ вслед за В. И. Абаевым [1973: 37–39] объясняется из **raet wyn* от праиран. **ram-* ‘покой; покоиться, отдыхать’ [с. 363] или от праиран. **rap-* ‘поддерживать; получать поддержку’ [с. 378]. Первую из этих этимологий находим и в [THORDARSON 1986: 281]. Однако при обеих этимологиях анлаутный *l-* остается необъясненным. Нельзя ли предположить контаминацию с каким-то другим словом, например, с праиран. *³*lap-* ‘прилепленный; прилеплять’, усматриваемым в осет. *læw-* ‘отвислый, болтающийся’ [ЭСИЯ, V: 73]?

Осет. *læx* | *læxæ* ‘испражнения, кал’ вопреки В. И. Абаеву [1973: 39], признано рефлексом др.-иран. **rai-xa-* : *rī-xa-* [с. 339]. Но при такой этимологии необъясненными остаются как *l-*, так и корневой гласный *-æ-*.

Осет. *lyg* | *lux* ‘отрезанный, порез’ вслед за В. И. Абаевым [1973: 53–54] возводится к **lu-ka-* (праиран. *²*rau-* : *ru-* ‘отделять; удалять; отрезать’) с рефлексом и.-е. **l* [с. 394]. Дж. Чёнг считает осет. слово заимствованием из германского [EDIV: 317].

Осет. *pæləxsar* ‘широкий’ вслед за В. И. Абаевым [1973: 239] возводится к сложению из перс. *farāx* ‘широкий, просторный, обширный’ и *-sār*, употребляемого во второй части композитов [с. 312]. При этом оба автора отмечают, что целиком слово **farāxsār* в персидском не зафиксировано. Ср., однако, вахан. *fəraxsār* ‘широкий, просторный’, которое считается заимствованием из таджикского [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976: 346]. Следовательно, сложение могло существовать и в персидском. Проблема в языке-посреднике, допускающем перебой *f*- > *p*-: он характерен как для грузинского (в котором этого слова нет), так и для некоторых тюркских языков.

Осет. *purx* | *purx(æ)*, *purf* ‘разбросанный, рассеянный, разбрызганный; разорванный, разбитый’ возводится к праиран. **parš-* : **pṛš-*, **prauš-* ‘брызгать(ся); разбрызгивать(ся), сыпать(ся), рассыпать(ся)’ с отражением **š* > *x*, как в ряде других иранских языков [с. 203]. Тем самым подтверждено предположение В. И. Абаева о сохранении праиран. **p* (без обычного перехода в *f*) в изобразительной лексике осет. языка [АБАЕВ 1973: 244]. Дж. Чёнг под вопросом признал осет. слово заимствованием из неопределенного источника с диссимиляцией *f*-*x* > *p*-*x* [EDIV: 298]. К этому же праиран. корню восходит в конечном итоге осет. *bærk'a* ‘помет мелкого рогатого скота’ (см. ниже).

Осет. *rīvæt* (*rīvæd*) ‘полуденный отдых скота летом’ вслед за В. И. Абаевым [1973: 413–414] отмечается, что отнесение этого слова к основе праиран. **aram-piθua-* (> авест. *arām-piθwā-* ‘полдень, полуденное время’ и вторичное авест. *ra-piθwā* ‘полдень’) «фонетически ненадежно» [с. 76–77]. Дж. Чёнг, отвергнув этимологию В. И. Абаева, предложил этимон **raiβad(a)-* < др.-иран. **frajā-pada-* при сравнении с авест. *frī-*, санскрит. *prī-* ‘наслаждаться; перекусить’ и **pada-* ‘место’ [Чёнг 2008: 310].

Осет. *rix* | *rexe*, *rexæ* ‘ус’, ‘борода’ возведено к праиран. **raiša-* ‘волосы, борода’ «с редко встречающимся отражением **š* > *x*» [с. 359]. Несколько иначе см. [АБАЕВ 1973: 416–417].

Осет. *ron* | *ronæ* ‘пояс’ вслед за В. И. Абаевым [1973: 419–420] возводится к праиран. **rāna-* ‘бедро, бедра’, которое, в отличие от В. И. Абаева, возводится к **hrāna-* от и.-е. **srēno-*, **srēnā-* ‘часть тела; бедро, ляжка’ [с. 457]. Судя по конечному *-æ*, осет. слово предполагает этимон **rānā*, представленный и в согд. *r'n* [rānā] ‘пояс’ [Там же].

Осет. *ryvvyt* | *runvist* ‘избавившийся от болезни, эпидемии’ вслед за В. И. Абаевым [1973: 446–447] объясняется из *ryn-fyist* | *run-fist* ‘расплатившийся с болезнью’ [с. 384–385]. Возможно, это народноэтимологическое переосмысление исходного сложения из *ryn* | *run* ‘болезнь’ + *fyist* | *fist* из др.-иран. **paud-ta* > **pausta*, откуда идет и сакс. *pūsta-*, *pusta-* ‘изгнанный’

[с. 265]. В этом случае *runvist* в архаизирующем переводе означает ‘изгнавший болезнь’. На огласовку осет. *-fjyst* | *-fist* могло повлиять слово *fjyst* | *fist* ‘оплаченный’.

Осет. *swadon* | *sawædon* ‘источник, родник, ключ, ручей’ (< **srāuca-dānu-*) и *swar* | *sawær* ‘минеральный источник’ (< **srāuca-ra-*) вслед за В. И. Абаевым [1979: 177, 179] возводятся к и.-е. **sreu-* ‘течь’, хотя и делается оговорка об «особом развитии» этого корня в осетинском [с. 397]. В самом деле, в праиранском данный корень представлен в форме **hrau-* > **rau-* [с. 394], поэтому неясно сохранение и.-е. **s-* в осетинском. В. И. Абаев (Там же) думал о скифо-европейской изоглоссе, однако против такой трактовки возражает Дж. Чёнг, который возвращается к этимологии В. Ф. Миллера из **sīāuā-* + **dānu-ā-* ‘черные воды’ (для *swadon*) [Чёнг 2008: 319], а *swar* возводит к др.-иран. **sīāuca-ua-*, во второй части которого видит основу, родственную авест. *vari-* ‘озеро’, ср.-перс. *var* ‘озеро’, курд. *birk* ‘пруд’ и пр. [Там же: 320].

Осет. *wælvong* ‘высоко’ вслед за В. И. Абаевым [1989: 84] возводится к др.-иран. **upari-panna-ka-* ‘высокого полета’, где *panna-* < **patna-* к **pat-* ‘лететь’ [с. 238]. Не исключено также происхождение из **upari-padna-* ‘высоко находящийся’, букв. ‘на высоком месте (находящийся)’ от праиран. **pada-* ‘место’, ср. авест. *paða-*, *pada-* ‘шаг; след ноги; место стоянки’, др.-перс. *pada-* ‘шаг; место; стоянка’.

Осет. *xwyrx* | *xurxæ* ‘сыворотка’ вслед за Н. Симс-Вильямсом возводится к праиран. **huxra-*, откуда идут также перс. *ruxbīn*, *rixbīn* ‘сыворотка’ (**huxra-paina-*) > афг. *xarpin* ‘сыворотка’ и пр. [с. 79]. Иначе у В. И. Абаева [1989: 267], этимология которого принята в [Чёнг 2008: 355; ЭСИЯ, III: 421–422]. Первая из этих этимологий намного привлекательнее.

Для осет. *zærvatykk* | *zærbatug*, *zærbatukkæ* ‘ласточка’ принята этимология В. И. Абаева [1989: 305] из праиран. **zara-pāθuka-* от корня **pāθ-* ‘идти, передвигаться; летать’ [с. 128, 239]. Дж. Чёнг, принимая интерпретацию первой части, считает проблематичной связь второй части с **pat-*, **pāθ-* ‘летать’ [Чёнг 2008: 360].

2.1. Осетинские слова, не вошедшие в ЭСИЯ, т. VI

В гнезде праиран. **³pai-* : *pi-* ‘раздроблять, раздавливать’ [с. 83–84] отсутствует осет. *fjyd*, представленное в *kwuroju fjyd* ‘жёрнов’, букв. ‘мельничный жёрнов’. В. И. Абаев под вопросом толковал это слово как «мясо мельницы» [Абаев 1958: 488], что неприемлемо. И. Гершевич возводил к др.-иран. **pi-ti-* ‘дробящий, давящий инструмент’, связав его с указанным праиранским глаголом, куда относит и афг., ормури *pal id.* (< **pai-ti-*)

[GERSHEVITCH 1955: 480]. Большинство соответствующих иранских слов отражает рефлексы производной праиран. формы **paiš-* : *piš-* ‘разбивать, раздавливать, размалывать, растирать; толочь, дробить’ (с распространителем **-š*) [с. 94–99], но осетинского слова нет и в этой статье. Не сомневаясь в правильности этимологии И. Гершевича, мы хотели бы отметить, что из реконструированного им этимона **piti-* в осетинском ожидали бы рефлекс **fyc*. Не исключено поэтому, что в осет. *fyd* ‘жарнов’ совпали два др.-иран. этимона: **piti-* и **pita-* с близкими значениями, как это предполагается и для омонимичного осет. слова *fyd* | *fud* ‘дурной; зло, беда’ < праиран. **pūta-* и **pūti-* [с. 259].

В связи с праиран. **paina-*, **painā-* ‘мёд’ < ‘(растительный) сок’ или ‘(пчелиное) молоко’, **angu-paina-* ‘мёд’, в первой части которого может скрываться **ang(u)-* ‘пчела’ [с. 81], на память приходит осет. *rong* ‘хмельной напиток, приготавливавшийся из мёда’. Совершенно ясно, что осетинское слово вытеснило исконное название напитка, который древние иранцы, а также и индоевропейцы называла «мёдом»: **madu-* ‘мёд’ > ‘приготовленный из мёда сладкий напиток, хмельной напиток’ > ‘вино’ [ЭСИЯ, V: 114–120]. Но каково происхождение осет. слова? Его обычно возводят к др.-иран. **frānaka-* производному от **frāna-* ‘дух, дыхание’ [АБАЕВ 1973: 421–422], образованного от праиран. **an-* ‘дышать’ с помощью приставки **fra-*, **frā-* [ЭСИЯ, III: 55], откуда также согд. *fr”n* [frān] ‘дыхание, вздох; воздух’ [ЭСИЯ, I: 153]. Эта этимология не объясняет выпадение второго **-a-*, который в этой позиции обычно сохраняется. В тех немногих, но надежных случаях, когда его падение не вызывает сомнений, мы имеем в исходе *-nk*, ср.: др.-иран. **faina-ka-* > осет. *fynk* ‘пена’ [Абаев 1958: 498; Чёнг 2008: 267; ЭСИЯ, III: 44]. Неудивительно, что Г. В. Бейли отверг этимологию В. И. Абаева, и возвел осет. *rong* к др.-иран. **ranga-* ‘спиртного напитка из кобыльего молока’, связав его с сакским *ragai* ‘спиртного напитка’ [BAILEY 1979: 356]. Это вполне приемлемо как с фонетической, так и семантической точки зрения: название спиртного напитка типа кумыса лишь со временем могло быть перенесено на напиток, приготавливаемый из мёда. Дж. Чёнг, отклонив обе этимологии, под вопросом возводит осет. *rong* к др.-иран. **raha-anga-* или **raha-han-ga-* от праиран. **raha-* ‘вена’ [Чёнг 2008: 310–311], что сомнительно с семантической точки зрения. Существует, как нам кажется, еще одна возможность: возвести осет. *rong* к др.-иран. **fra-angu-*, где приставка **fra-* представлена в значении, близком к значениям ее рефлексов в некоторых восточноиранских языках: согд. *f-*, ягноб. *far-*, хорезм. *f* (при именах) ‘совместно с; с помощью, посредством’ [ЭСИЯ, III: 54] + праиран. **angu-* ‘пчела’. Сложение в целом может означать ‘пчёлами (создаваемое)’, т. е. ‘мёд’.

В статье праиран. **paik-* : *pik-* : *paič-* : *pič-* ‘скручивать(ся), сгибать(ся); спутывать(ся), запутывать(ся); свивать(ся) в ком, в клубок’ [с. 84–87] хотелось бы видеть осет. *becykk* ‘чуб’, во второй части которого скрывается диминутивный суффикс *-ykk*. Основа *bec-* (< **paič-*) представляет собой частный случай развития праиран. **p-* > осет. *b-*, о котором см. [АБАЕВ 1958: 244; ЭСИЯ, VI: 237]. К этимону **paik-* : *pik-* можно отнести и неразъясненное [АБАЕВ 1958: 260] осет. *bik* ‘пупок’ | *bek’æ* ‘выступ, отросток, верхушка’ в смысле «нечто завязанное». Ср. осет. выражение *jæ bik’ rajxældi* ‘у него пупок развязался’.

Не исключено, что к этимону **paič-* + суфф. *-r-* следует отнести и неразъясненное [АБАЕВ 1958: 260–261] осет. *bilc* | *birc* ‘побег; почка (у растения)’. Метатеза **-čr- > -rč-* закономерна. Абруптив *c*’ носит экспрессивный характер. Сюда же, возможно, осет. *bic’i* ‘недоразвитый плод картофеля’ [ИÆД, II: 126]. Впрочем, не исключено, что для двух последних слов следует допустить контаминацию с и.-е. **pōi-* : *pāi-* : **pū-* ‘меленький’ (преимущественно по отношению к детям, детенышам животных, мелким животным), которое, по мнению некоторых ученых, лежит в основе праиран. **putra-*, **puθra-* ‘сын, дитя’ [с. 316]. Возможно, к производной от этого же корня — **pu-ti-* — следует отнести осет. *pus-* в *rusykk* ‘паренёк, парнишка; пацан’ (*-ykk* — диминутивный суффикс) и *picux* id. (с непродуктивным суффиксом *-ux*).

Корень праиран. **paiž-* : *piž-* ‘шить, штопать(?)’ реконструирован исключительно на основе афганского (пушту) материала: *pezəl* ‘чинить, штопать, штуковать’ и пр. [с. 99]. Сюда можно отнести и осет. *æmp’uzyn* ‘чинить, латать, штопать’, которое В. И. Абаев возводит к сложению *æm-* (< **ham-*) + *duz-* ‘шить’ [АБАЕВ 1958: 145]. Однако перебой **md > mp*’ вызывает сомнения. Т. Н. Пахалина сопоставила осет. слово с ваханским *pəšīn* ‘заплата’ [ПАХАЛИНА 1978: 145], которое, однако же, этимологизируется из др.-иран. **upa-švāna-* [ЭСВЯ: 268], что исключает его связь с осетинским словом. Мы считаем осет. *æmp’uzyn* контаминацией двух праиранских основ: **dauk-* : *duk-* : *dauč-* : *duč-* ‘шить, сшивать’, с которым его связывают и в [ЭСИЯ, II: 410], и **paiž-* : *piž-* ‘шить, штопать’. Из этимона **ham-paiž-* в осетинском получилось бы **æmp’ez-*, а не *æmp’uz-*. К гипотетической форме **æmp’ez-* + преверб *a-* может восходить неразъясненное [АБАЕВ 1958: 53] осет. (диг.) *amp’ez* ‘шаг’.

К праиран. корню **pak-* : *pač-* ‘варить(ся), печь(ся); зреть, созревать, поспевать’ [с. 99–109], на наш взгляд, следует отнести и осет. *bægæny* ‘пиво’, реконструировав для него этимон **pakan(i)ja-* ‘нечто сваренное’. В семантическом плане ср. греч. *βρῦτος* ‘пиво’, заимствованное из фракийского источника [БЕЕКЕС, I: 245], в котором имел исходное значение ‘варить’ [ВУСК 1949: 390].

Праиран. **pal-*, **spal-* ‘палить, гореть; блестеть, сверкать, мерцать’. Родственно русск. *пал* ‘лесной пожар’, *палить*, *полено* и пр. Как пишет автор, в иранских языках отмечены также варианты **pil-*, **pul-* [с. 110–111]. Кроме того, Д. И. Эдельман приводит еще одно важное наблюдение: «В иранских языках используется в основном в звуко-символической лексике при обозначении мерцающего света, сверкания» [ТАМ ЖЕ: 110]. Сюда же следует отнести осет. *pillon* | *pel(l)on* ‘бурный, сильный (об огне, пламени)’, хотя этимон осет. слова до конца не ясен — **pil-ĭā-* + суфф. **-na?* Ср. язгул. *pil(l)ast* ‘мерцание, мигание (о свете)’ [с. 111], во второй части которого скрывается иранский суффикс изобразительных и звукоподражательных слов *-ast*.

Праиран. **paltaka-* > **pataka-* / **palaka-* ‘глазное веко’, реже ‘ресница, ресницы’ [с. 112–114, 169]. Сюда, помимо приведенных осет. фактов (*taefalæ* ‘веко’, *wæl-t’yfal* id.), можно отнести осет. *syvældæg* ‘пласт, слой’, которое мы понимаем как ‘роговой (sy) слой (-vældæg)’. Иначе [АБАЕВ 1979: 212]. Кроме того, осет. *fæltær* | *fæltærnæ* ‘слой; период, поколение’ (< **palta-ra-?* или **parta-ra-?*), не получившее удовлетворительного объяснения [АБАЕВ 1958: 441], напрашивается на сравнение с этим же материалом. Ср. также афг. (пушту) *pur*, *por* ‘слой’ [АфгРС: 190] < **part-?* Возможно, речь должна идти о двух разных праиранских основах: **palta(ka)-* и **parta-*. Первая из них напоминает праслав. **polъtь* от *polъ* ‘сторона, бок’ + *t*, откуда русск. *пóлоть*, *полть* ‘половина свиной, бараньей туши’, др.-русск. *полоть* ‘кусоч, пласт, туша’ и пр. [ФАСМЕР, III: 316].

Для осет. *fos* | *fons* ‘скот’ Р. Бильмайер восстановил праиран. архетип **panš-*, предположив следующую фонетическую эволюцию на осет. почве: **panš-* > *fons* > **foss* > *fos* [BIELMEIER 1977: 45]. Данная этимология не нашла отражения в ЭСИЯ.

Праиран. **papa-*, **pappa-*, **pāpa-* и т. п. — «детские» слова-лепетания с наиболее частыми значениями 1) ‘«папа» — отец, дед’; 2) ‘«ням-ням» — хлеб, хлебец; еда’ [с. 130]. Как отмечает Д. И. Эдельман, «слова этой группы связаны с аналогичными образованиями от основы **baba-*, см. [ЭСИЯ, II: 42–43]» (ТАМ ЖЕ). Осет. *baba* ‘дедушка; тятя’ приводится в гнезде второго из этих вариантов [ЭСИЯ, II: 42]. Сюда следует добавить осет. (детское) *baba*, *bappa* ‘хлеб’, приведенное в [АБАЕВ 1958: 235] как слово, «распространенное на кавказской почве».

Очевидно, в гнезде праиран. **³par-* : *pr̥-* ‘делать равным, равноценным; выравнивать, приравнивать; уравнивать; возмещать; покрывать расходы’ [с. 160–163] следует рассматривать и осет. *barun* ‘взвешивать; измерять; прощать; сравнивать’, которое В. И. Абаев связывает с праиран. **bar-* ‘нести’ [АБАЕВ 1958: 238], а Дж. Чёнг с каузативной формой **bāraja-*

[ЧЁНГ 2008: 239]. Для осет. слова можно предположить контаминацию двух этих праиранских основ. Сюда же В. И. Абаев относит осет. *æmbær* ‘равный по весу’ [АБАЕВ 1958: 137], *bærc* ‘мера’ [ТАМ ЖЕ: 251–252] и *bærn* ‘ответственность’ [ТАМ ЖЕ: 253].

В гнезде праиран. **⁵par-* ‘отделять, делить на части’ [с. 164–166], возможно, следует рассматривать и осет. *bærdyn, bærdæn* ‘поршень маслобойки’ (< **par-t-ana-*), оставленное В. И. Абаевым [1958: 252] без этимологии. Для семантики ср. русск. *молочный сепаратор* ‘аппарат для отделения твердых частиц от жидкости’ при англ. *separate* ‘отделять, разделять, разлагать на части’, лат. *separatio*. Д. И. Эдельман относит сюда же осет. *fark* ‘лопасть (мельничной турбины); дощечка, кусок; осколок’ [с. 188], однако, учитывая сходные формы в других иран. языках, такие как шугн., руш., хуф., барт., рош. *pārk* ‘лист (растения)’ и пр., не исключает и связь с праиран. **parna-* ‘крыло, перо’ [с. 185]. С последним словом связывал осет. *fark* и В. И. Абаев [1958: 420–421]. По мнению же И. Гершевича, в осетинском следует различать два омонима: ¹*fark* ‘кусок’ (ср. н.-перс. *pāra*) и ²*fark* ‘лопасть’ (ср. н.-перс. *pārū*) [GERSCHWITSCHE 1955: 480].

В статье праиран. **⁸par-* ‘быть уверенным; быть убежденным; полагать; верить’ [с. 170–171], можно рассматривать три осет. слова: *bar* ‘воля, право’ (если из **pāraja-*), *bællyn* ‘стремиться к чему-л.; желать; мечтать’ (если из **par-ja-*) и *bærgæ* ‘хотя; хотя бы; конечно’ (если из **par-ka-*). Существующие этимологии этих слов [АБАЕВ 1958: 235–236, 248–249, 252; 1995б: 7] признаны неудовлетворительными [ЧЁНГ 2008: 241]. Корень **⁸par-* можно видеть и в осет. *bælvyrđ* ‘действительно; достоверно’, если из **parja-urta-* ‘очень верный’, букв. ‘уверенно-верный’. Кроме того, осет. (диг.) *bæragæ* ‘находящийся в чьей-либо воле, на чьей-либо ответственности’, которое В. И. Абаев связывает со словом *bar* ‘воля, право’ [АБАЕВ 1958: 250], предполагает этимон **aparāka-*, букв. «безвольный». Сюда же можно отнести не имеющее надежной этимологии [АБАЕВ 1958: 250–251] осет. *bæræg* ‘заметный, определенный, известный’, если из **para-ka-*.

Праиран. **⁹par-* ‘серый; седой’ возводится к арийскому **par-, pal-* [с. 171]. Если в праиранский были унаследованы обе формы, то последняя из них могла отложиться в осет. *bælon | bælaw* ‘голубь’.

В гнезде праиран. глагола **par-* ‘порхать, прыгать, дёргаться’ [с. 185–187], не выделенного в самостоятельную вокабулу³, но рассмотренного в гнезде слова **parna-* ‘перо; крыло; лист’, следует учесть осет. *pær-pær* ‘порхание, взмахи крыльев при полете; колыхание’ и *pærræst* ‘порхание; взлет (птицы)’.

³ Этот глагол был бы десятым по счету праиранским омонимом.

Производным от праиран. **prš-ka-*, **prš-kā-*, **fra-prš-ka-*, от которого при контаминации с праиран. **purška-* ‘навоз, экскременты мелкого рогатого скота, газели, верблюда и т. п.’ «образуются обозначения навоза мелкого рогатого скота, сохраняющие элемент семантики ‘сыпать(ся), высыпать(ся)’, с фонетическими отклонениями, диктуемыми требованиями эвфемизма» [с. 204, 313–315], следует признать осет. *bærk’a* ‘помет’ (< **bærsk’a*), не имеющее надежной этимологии [АБАЕВ 1958: 253]. В осет. слове выпал **-s-* из кластера **-rsk-*, подобно тому, как из праиран. **paršti-* получилось осет. *færçy* (см. выше). Вариацией к слову *bærk’a* следует рассматривать и осет. *baga* ‘помет мелких животных (овцы, собаки)’, о котором см. [АБАЕВ 1958: 231].

В гнездо праиран. **part-* ‘состязаться, спорить; бороться, сражаться’ [с. 208–211] следует включить осет. эпическое имя *Batyraz*, которое Л. С. Клейн сопоставил с именем скифского царя *Par/Bar-ta-tu-a* в Передней Азии (по ассирийским источникам, у Геродота (I, 103) — *Πρωτοθύης*) [Клейн 1975: 21–22]. Скифское имя этимологизируют из иран. **Pr̥tatava(h)-* с *pr̥ta-*, *parta-* ‘бой, сражение’ + *tava(h)-* ‘сила, мощь’, т. е. ‘могучий в битве’ или ‘обладающий боевой мощью’ [Грантовский 1970: 204]. Во второй части осет. имени Г. В. Бейли видел иран. **rāja-* ‘правитель’ [ВАЛЕУ 1980: 240]. Т. е. **Parta-rāja-* ‘управляющий битвой / первый в битве / предводитель’ с закономерными преобразованиями *r—r > l—r* и с последующим падением *-l-*, повлекшим за собой растяжение корневого гласного [Дзищойты 2003: 181–182].

В гнезде праиран. **pauš-* : *puš-* ‘покрывало; одежда; надевать, накрывать; укрывать’ [с. 268–270], несомненно, следует рассматривать осет. (кудар.) *pysul(tæ)* ‘одежда’.

Осет. *fæxsyn* ‘туша, заготовленная впрок; курдюк’ не имеет надежной этимологии [Абаев 1958: 466]. Конечное *-yn* — это суффикс. Основу *fæxs-* можно связать со словом *fāxs* ‘бок’, что и делает В. И. Абаев. Однако, для значения ‘курдюк’ такая этимология вряд ли подходит. Учитывая, что курдюк появляется у взрослой особи (овцы), основу *fæxs-* соблазнительно связать с др.-иран. **paxš(a)-*, откуда идут ср.-перс. *paxš-* [рахš] ‘зреть, созревать’ и пр., о которых см. [с. 104].

В гнезде праиран. **pā-*, *pāi-* ‘охранять, оберегать; защищать; опекать, покровительствовать, заботиться; пасти’ [с. 277–290] помимо осетинских *fæjjaw*, *fijjaw* ‘пастух’, *fippajyn* ‘замечать’, *ængwyrstwan* ‘наперсток’ (< **angušta-pāna-*) и *fæjnæg* ‘доска’ следует рассматривать и некоторые другие факты. К производной форме **pā-* ‘охраняющий, защищающий; пасущий’, родственной др.-инд. *pā-* в *go-pā-* ‘пастух коров’ [с. 280–281], несомненно, восходит осет. *-fa* в теониме *Doffa* ‘покровитель речной рыбы’ из **Dānu-pā-*

‘покровитель / хозяин вод’. Типологических параллелей на иранской почве достаточно много: мидийское **xšathra-pā-* ‘господин / хранитель провинции, области (букв. ‘царства’); сатрап’, др.-перс. **kāra-pā-* ‘хозяин войска, военачальник’, согд. *wmndp* [wimand-pā] ‘охраняющий границу’, бактр. *paraβo, paupaβo* ‘сатрап’ (< **xšathra-pā-*), афг. (пушту) *yo-bá* ‘пастух коров’, *kor-bá* ‘хозяин дома’ [с. 281] и пр. Очевидно, сюда же относится аланское название города Феодосии в Крыму: *Кафᾶς, Cafa, Caffa* — не просто ‘рыба’ [АБАЕВ 1949: 170], а ‘(город, в котором святилище) покровителя рыб’ — **kap(a)-pā-*. Ауслатный др.-иран. **-ā* в осетинском регулярно сокращается в *-æ*. Наличие конечного *-a* в современной осет. форме *Doffa* объясняется вторичной суффиксацией: **Dānu-pā- > *Dānfā- > *Donfæ > *Doffæ + -a*.

Еще один осет. теоним, несомненно, относящийся к рассматриваемому гнезду, — это *Tyryfon* ‘покровитель мелких зверей’ [«Ф» 1988, № 7: 83]. В топонимии Северной Осетии сохранился синкопированный вариант этого теонима: *Tyryfony kuvændon* ‘святилище Тырфон’ [ЦАГАЕВА 1975: 190]. В августе 1988 г. мы обсуждали этот теоним с В. И. Абаевым, который объяснил компонент *-fon* из праиран. **pāna-* ‘защитник, хранитель’ от **pā-* [ДЗИЦКОЙТЫ 2003: 201]. Праиран. **pāna-* ‘оберегающий, защищающий’ широко представлено в иранских языках: ср.-перс. *pānak* ‘покровитель, защитник’, новоперс. *galaban* ‘пастух’, хорезм. *γυθ-b’n* (< **gaiθa-pāna-*) ‘пастух (охранитель стад)’, сакс. *st(u)ra-pāna-* ‘пастух крупного скота’, афг. (пушту) *γobún* ‘пастух, волопас’ и пр. [с. 283].

Возможно, в гнезде праиран. **piš-*, **puš-* ‘кот, кошка’ [с. 301–303] следует рассматривать и осет. *pisykk* ‘кошка’ (вокатив), *piso* id., *biss* (наряду с *giss*) — междометие, которым подзывают кошку. Ср., однако, тюрк. (тур., азерб.) *pişik* ‘кошка’ [RÄSÄNEN 1969: 385].

В гнезде праиран. **¹rab-* ‘двигаться, передвигаться’ [с. 324–326], возможно, контаминированного с др.-иран. **ra(m)b-* ‘топать, тяжело ступать’ [с. 368], следует рассматривать осет. *ræmpyn* ‘с трудом пробивать себе дорогу (в глубоком снеге, вязкой грязи)’. Сюда же можно отнести осет. *ræmpæg | rumpæg* ‘моль’, которое В. И. Абаев связывает с латинским *rumpo* ‘рву’ [АБАЕВ 1973: 373].

В гнезде праиран. **²rab-* ‘сосать (грудь, вымя — о младенце, детеныше животного)’ [с. 326–328], при допущении параллельной формы **lab- / lap-* (по контаминации с праиран. **¹lap- / lab-* ‘губа, губы’ [ЭСИЯ, V: 67–70]), можно рассматривать осет. *læppyn* ‘детёныш’ и *læppi* ‘мальчик’ (< **lab-ja-* + суфф.), букв. ‘сосунок’.

Из списка рефлексов праиран. **ranga-*, **ranja-* ‘цвет; краска’ выпало осет. *ronz* ‘сукровица; кровавая жижа; кровь, смешанная с гноем’ [с. 369–370], к которому его отнес В. И. Абаев [1973: 420–421].

В статье праиран. **raźman-* ‘протяжение, порядок, строй’, откуда идут авест. *rasman-* ‘боевой порядок, боевой строй, фаланга’, др.-перс. **razma-* ‘боевой порядок’ и пр. [с. 436–437], можно было привлечь и осет. эпическое имя *Oræzmæg*, которое Г. В. Бейли возводит к **aça-raźma-ka-* ‘предводитель’ [BAILEY 1980: 239]. Эту этимологию приводит и В. И. Абаев [1989: 127].

2.2. Скифо-сарматские слова, не вошедшие в ЭСИЯ, т. VI

К гнезду праиран. **¹pai-* : *pī-* ‘быть жирным, изобиловать; отекасть, набухать; обильно течь (особенно о материнском молоке)’ [с. 73–83], помимо осетинских *fʏd* | *fid* ‘мясо’, *ræftæ* ‘полдень’, *fæzdon* ‘вымя’, *firton* ‘крупный рогатый скот’ и *rivæf* ‘полуденный отдых скота’, следует отнести скифское племенное название «каллипиды» (*καλλιπίδαί*). Об этом племени Геродот сообщает следующее: «От гавани борисфенитов <...> первыми живут каллипиды, которые являются эллино-скифами; над ними — другое племя, которое называется ализоны. И они, и каллипиды во всех остальных занятиях подобны скифам, но в отличие от них хлеб они и сеют, и едят, а также лук, чеснок, чечевицу и просо» (Геродот IV, 17). Исходя из этого, можно предположить, что рассматриваемый этноним восходит к др.-иран. **karja-pitua-* (> **kalli-pit(w)a-*), букв. ‘для кого (ячменный) хлеб (**karja-*) служит пищей (**pitua-*)’. Ср. для первой части праиран. корень **⁴kar-* ‘проводить черту, борозду’ > ‘пахать’, контаминировавшийся в большинстве иранских языков с корнем **³kar-* ‘сыпать, высыпáть; лить’, давая общее значение ‘возделывать, обрабатывать землю; пахать, сеять’ [ЭСИЯ, IV: 270]. Ср., например, авест. *kar-* ‘сыпать, высыпáть, рассыпáть; сеять (семена)’ и *kar-* ‘бороздить, проводить борозды’ и пр. К этому же корню, несомненно, восходит осет. *kærzʏn* ‘хлеб ячменный’, где *kær-* (< **kara-* ‘нечто возделываемое’ > ‘ячмень’) + суффикс *-zʏn* из **čana-* (ср. сакское *damjanai* ‘строение, здание’ < **dama-čana-ka-*, букв. ‘относящееся к зданию, связанное со зданием’ [BAILEY 1979: 151, 159; ЭСИЯ, II: 218]). Т. е. *kærzʏn* — ‘нечто, связанное с ячменем, приготовленное из ячменя’. Восстановленное **karja-* ‘нечто возделанное’ > ‘ячмень / хлеб’ в скифском дало **kalli-*, подобно тому, как в названии соседнего племени «ализоны» представлено др.-иран. **arja-zāna-* ‘арийское племя’ с тем же переходом **rj > l(l)* [Грантовский, Раевский 1984: 57–58]. Для второй части ср. либо праиран. **pitu-* ‘пища; твердая пища’ [с. 74], либо праиран. **pitua-* > **pitūā-* : *pīθu-* ‘относящийся к пище, предназначенный для еды’ [с. 75].

В гнезде праиран. **padaka-* ‘пеший гонец, вестник’ [с. 57] следует рассматривать и скифское имя из Ольвии *Παδαγος*, а также имя одного из

последних скифских царей *Πάλακος* с переходом $\delta > l$, характерным для господствующего скифского диалекта [Грантовский 1970: 175, прим.].

Вопреки Л. Згусте и В. И. Абаеву [1958: 229], в имени скифского «Зевса» по Геродоту (IV, 59) *Παλαῖος* следует видеть, не скиф. «отец», а др.-иран. **rāra-* ‘хранитель, покровитель’ — производное от основы **rā(i)-* ‘охранять’ [Грантовский 1970: 259, 264–265].

3. Осетинские слова, не вошедшие ни в Словарь В. И. Абаева, ни в ЭСИЯ

Осет. *bær* ‘много’ (сохранилось только в определенных выражениях) [ИЭД, II: 103]⁴ < **para-*, несомненно, к праиран. **¹par-* : *pr-* (: **pVr-*), **frā-* (< **prā-*) ‘наполнять(ся); делать(ся) полным; насыщать(ся); быть / делать изобильным’. Среди многочисленных рефлексов этого корня в иранских языках [с. 130–145] значатся и осет. *fyr* | *fur* ‘очень; много’ (< **paru-*) [с. 138–139], *fyr* | *fur* ‘баран-производитель’ (< **pr̥na-*) [с. 134], а также иран. **farnah-* ‘фарн’, которое вслед за А. М. Лубоцким возводится к праиран. **parnah-* [с. 140]. Необходимо отметить, что традиционная этимология иран. **farnah-* из **h̥arnah-*, принятая и в [ЭСИЯ, III: 440–441], уже давно подвергнута критике [Грантовский 1970: 157–158; Бейли 1990: 216–217; Абаев 1995: 12; Lubotsky 1998: 479–488; Чёнг 2008: 8, 78, 255]. В ассирийских источниках VIII и VII вв. до н. э. этот термин представлен в составе некоторых антропонимов и топонимов в форме *Parni* / *Parna* / *Parnu*, отражающей начальный **f-* / **p-*, а не **h̥-* [Грантовский 1970: 306–307, 324, 325–327, 328–329]. Если русск. *парень*, *парни* заимствовано из этого же источника [Топоров 1972: 23–37], то и оно указывает на исходную форму с **p-*. Необходимо добавить, что этимология А. Лубоцкого признана «весьма доказательной» [Дыбо 2010: 296], поэтому авестийское *xvarənah-* следует признать скифским заимствованием [Блажек 2015: 76]. К этому следует добавить факт отсутствия слова *farna-* в древнеперсидских надписях. Почти в каждой своей надписи древнеперсидские цари Дарий и Ксеркс, перечисляя творения Всевышнего (Ахурамазды), наряду с небесами (*asmān-*), землей (*būmi-*) и человеком (*martiya-*) упоминают и о «счастье» (*šiyāti-*), созданном специально для человека. Но именно в этом контексте уместно слово *farna-*, которое в тот период, наверняка, отсутствовало в древнеперсидском языке в качестве религиозного термина.

Существуют, однако, определенные трудности в интерпретации остального осетинского материала, представленного в статье **¹par-*.

⁴ Любители народной этимологии объясняют осет. *bærkad* ‘изобилие’ (из арабского [Абаев 1958: 252–253]) как сложение из *bær* ‘много’ + *kad* ‘слава’.

Начнем с того, что из праиран. **paru-* в случае эпентезы ожидали бы **faur-* > **for* > **fur*, подобно тому, как из **aruša-* имеем **aur(u)š-* > *urs* | *ors* ‘белый’ [АБАЕВ 1979: 315–316; АБАЕВ 1989: 18–19]. Поэтому В. И. Абаев (ТАМ ЖЕ) вслед за В. Ф. Миллером [1882: 51] говорит о влиянии соседнего губного согласного. Поскольку, однако, имеются существенные исключения из этого правила [ЧЁНГ 2008: 173], Дж. Чёнг предпочитает говорить об *u*-умлауте [ТАМ ЖЕ: 172, 268]. Кроме того, учитывая древнеиранские имена с компонентом *puru-* ‘много; очень’ и некоторые другие факты, Э. А. Грантовский реконструировал др.-иран. диалектное **puru-*, куда отнес и осет. *fyr* | *fur* ‘много’ [ГРАНТОВСКИЙ 1970: 318].

Что касается осет. *fyr* | *fur* ‘баран-производитель’, то оно ошибочно отнесено к праиранской основе **prna-* ‘полный, наполненный’. Эта этимология, предложенная в свое время Г. Моргенштерне, принята как В. И. Абаевым [АБАЕВ 1958: 499], так и Д. И. Эдельман [с. 134]. Однако из указанного этимона в осетинском ожидали бы **færn-*, **farn*, но не *fyr* | *fur*. Для осет. слова, на наш взгляд, следует исходить из и.-е. архетипа **pau-* / *rou-* / *pu-* (о котором см., например [SZEMERÉNYI 1977: 317–318]), имевшего, по О. Н. Трубачеву, значение ‘производить (о мужчине)’: «в **pū-* мы имеем мужской термин ‘производить’, в то время как и.-е. **sū-* представляет женский термин, собственно — ‘рожать’» [ТРУБАЧЕВ 1959: 51]. И далее, обсуждая производные от этих и.-е. основ, О. Н. Трубачев отмечает: «Таким образом, если в слав. *synь* (откуда и русск. *сын*. — Ю. Д.), и.-е. **sūnus* мы имеем древний реликт материнского счета родства, то в и.-е. **put-* представлен термин, отражающий уже только мужское, отцовское начало. Этим объясняется смысл существования двух разных названий сына в индоевропейских языках» [ТАМ ЖЕ: 52]. Праиранский рефлекс этой основы мог выглядеть как **pau-* : *pu-* ‘производить’, дериватом которого могло быть др.-иран. **pu-ra-* ‘производитель’, откуда и осет. *fyr* | *fur* ‘баран-производитель’. Очевидно, к другой производной от этого же корня — **pau-ta-* : *pu-ta-* восходит осет. *bod-a* / *bod-el-a* ‘penis (у мальчиков)’.

Таким образом, единственный бесспорный рефлекс праиран. **¹par-* не нашел отражения в этимологических словарях иранских языков. Осет. *bær* ‘много’ можно видеть и в названии праздника *bældæræn*, если из **bærdæræn* с обычной диссимилиацией *r—r* > *l—r*. Для второй части ср. *dæræn* ‘разбросанное, неубранное сено’, о котором см. [АБАЕВ 1958: 356–357]. Т. е. *bældæræn* — ‘много сена’. Ср. поговорку, цитируемую В. И. Абаевым [1958: 248]: *bældæræny bon aly xæzaræn dær fonz mæk ’wyly xos æfsnajd qwatæ wa* «ко дню б а л д а р а н в каждом доме (хозяйстве) должно быть запасено пять копен сена».

Не исключено, что к производному от **¹par-* — **pāra-ti-* восходит осет. *barz* ‘толпа’ (т. е. ‘много народу’), с долгим корневым гласным как в согд. *p’r* [pār] ‘наполнять; кормить; питать; воспитывать’ [с. 131].

Осет. *fanka* ‘penis’. Неотделимо от праиран. **pahah-* ‘penis’ (?) [с. 73]. Осет. слово предполагает этимон **pahni-k-* + вторичный суфф. **-ā*, где **pah-ni-* — из и.-е. **pes-ni-s* (> латин. *pēnis*) [Буск 1949: 258]. Падение **-h-* перед **n* привело к растяжению предшествующего гласного. Соседство с **i* способствовало сохранению глухости **k*. Любопытно созвучие с авест. *fānku-* ‘пик, вершина’, не имеющим надежной этимологии [ЭСИЯ, III: 48]. Созвучие это, возможно, случайное.

Осет. *puff, fuff* — междометие, выражающее отвращение. Несомненно, от звукоподражания *fu* ‘дуновение; выдох’, которое также используется в качестве междометия, выражающего отвращение. Ср. праиран. **pū-* ‘дуть, надувать(ся), вспучивать(ся)’, встречающегося и с лабиальными распространителями [с. 262, 263]: **pup-*, **puf-*, **pub-* ‘дуть, надувать’, ‘круглый, шаровидный предмет и т. п.’ [с. 128–129]. Д. И. Эдельман справедливо подчеркивает, что древность этого слова не определяется, а соответствующие слова в иранских языках могут появляться на любом хронологическом срезе [с. 128]. Ср. также русск. *фу* — междометие, выражающее презрение, отвращение; *фу* — междометие, выражающее укоризну, досаду, презрение, отвращение (Ожегов), *фыркать* ‘с шумом выпускать воздух из ноздрей’, ‘сердиться, брюзжать, выражая недовольство чем-н.’ (Ожегов). Сюда же осет. *pyf-pyf* ‘пыхтенье’.

Осет. *sydyvd* ‘банальный, заурядный, избитый’ [ИУД: 396]. В первой части, возможно, *syd* ‘замерзший’. Для компонента *-yvd*, допускающего реконструкцию в **Vbd-*, ср. праиран. **pad-* : **pd-* > **bd-* ‘нога’ [с. 51], авест. *-bda-* в *bi-bda-* ‘двойные пути, кандалы’. Т. е. *sydyvd* — ‘еледвигающийся’, букв. «тот, у кого замерзли ноги?»

Осет. *xurxun* ‘выпивать’ (обычно с превербом *ny-* — *nyxxurxun* ‘выпить залпом; напиться, нализаться’), несомненно, к этимону **hixra-* от корня **haik-* ‘лить(ся)’, о котором см. [ЭСИЯ, III: 331; ЭСИЯ, VI: 339]. В [Валлеу 1958: 530–531] даны три праиранских омонима: **¹haik-* ‘лить(ся)’, **²haik-* ‘сушить; сохнуть’ и **³haik-* ‘насыщать’. Последнее из них в форме **hink-* усматривается в осет. *xunsun* ‘угощать’.

4. О некоторых праиранских архетипах

В. И. Абаев реконструировал праиран. **raça-* ‘место; пространство’, куда отнес авест. *ravah-* id., перс. *ravan* ‘причина’, осет. *ran* | *rawæn* ‘место’, *ræwagæ* ‘повод; причина’, *ræwonæ* ‘повод, предлог’ и пр. [Абаев 1973: 349–350, 389, 392]. В ЭСИЯ (т. VI) этой основы не видно.

В ЭСИЯ (т. VI) отсутствует праиран. корень **rāi-* ‘течь, струиться, литься’ (< и.-е. **rōi-*), реконструированный В. Э. Орлом для скифского гидроним *Педань* в Верхнем Поднепровье — из **raja-dānu-* ‘текущая вода’ [Орел 1986: 110]. Отталкиваясь от этой реконструкции, мы в свое время возвели гидроним *Fijjagdon* в Северной Осетии к этимону **pājāka-dānu-* с тем же значением [Дзицойты 1992: 247]. Отсутствие параллелей в остальных иранских языках может означать уникальность скифского слова на иранской почве, а его наличие в топонимии Осетии может говорить о генетической связи осетинского языка со скифским.

Праиран. **ruān-*, **ruuān-*, **run-* или **urān-* ‘дух, душа’ — древнеиранский сакральный термин, более ранняя история которого неясна [с. 461]. Не исключено, что перед нами производное от праиран. **rāu-* : *rū-* ‘жечь, гореть’, отсутствующего в ЭСИЯ. Между тем, осет. *arawyn* ‘опалить на огне’ (< **ā-rāu-*) и *wrawyn* ‘жечь, палить’ (< **ui-rāu-*), предполагают не праиран. **rau-* : *rū-* ‘мазать, обмазывать; пачкать’ [АБАЕВ 1958: 56–57; АБАЕВ 1989: 119; ЭСИЯ, V: 76], а самостоятельный корень **rāu-* : *rū-* ‘жечь; гореть’. Выражение *qwur arawyn* ‘обжигать горло (об острой пище; крепких спиртных напитках)’ указывает на то, что идеосемантика этого глагола лежит в сфере ‘жжения, горения’, а не ‘окрашивания, обмазывания’. Семантический переход ‘пачкать’ > ‘обжигать на огне’ кажется странным. К производной форме **rū-(a)na-* ‘горящий’ и может восходить рассматриваемая основа со значением ‘душа’. Ср. семантическую эволюцию ‘дым’ > ‘душа’ в перс. *pazd* ‘дух, душа’ при осет. *fæzdæg* ‘дым’ [с. 276]. Осетинское *fæzdæg* ‘дым’ также может выступать в значении ‘душа’. Так, об избиении до потери сознания, до обморочного состояния говорят: *fæzdæg swazyn* ‘выпустить (из кого-л.) дым’.

В Словаре отсутствует праиран. **rīma-* ‘число’ (< и.-е. **arithmo-*), реконструированное для скифского **arima-* ‘число один’ [Витчак 1992: 53, 55]. С этим скифским словом В. И. Абаев связывал осет. *ærmæst* ‘только’ [АБАЕВ 1995: 6]. Об осет. слове иначе см. [ГЕРЦЕНБЕРГ 1972: 213].

5. О некоторых семантических и словообразовательных параллелях

Сангл. *dān-pəθf* ‘десны’, букв. ‘зуб(а)-мясо’ [с. 76] ср. с осет. *dændažy fyd* ‘десна’, букв. ‘мясо зуба’. Компоненты обоих сложений этимологически тождественны.

Согд. *črōp’dyh* [čarθ-rāḏē] ‘животное’, букв. ‘четвероногое’ [с. 60] ср. с осет. *suppark’axug* ‘лошадь’, букв. ‘четвероногое’ [Дзицойты 2017: 146]. Весьма любопытно, что и в большинстве иранских языков «четвероногий»

означает '(четвероногое) животное' [ЭСИЯ, II: 246–247] и лишь в отдельных языках — разновидность (домашнего) животного. К последней группе слов относятся: бахтиарское *čārpā* 'четвероногий', 'лошадь', фаризанди (один из диалектов Центрального Ирана) *čārvā* 'осёл', афг. (пушту) *corlá* 'дикая свинья; веприца' (< *čavuar- + p(a)d- + -ā) [ТАМ ЖЕ]. В индоевропейском праязыке существовало противополжение *dwi-pod- 'двуногого' и *k^weturo-pod- 'четвероногого' как символического различия людей и крупного рогатого скота [Иванов 1985: 163–164]. Следовательно, общеиранские представления о «четвероногом» как о домашнем животном архаичны, тогда как смещение значения в сторону названия конкретного животного — инновация. Особенность осетинского и других языков в том, что в роли четвероногого у них выступает наиболее актуальное в хозяйстве животное.

Согд. *pyš-n'm'k* [piš-nāmē], перс. *pīš-nām* 'фамилия' < праиран. *pas- 'после, за' + *nāman- 'имя, название' [с. 222]. Из тех же компонентов + суфф. -yг состоит осет. *fæsnomyg* 'прозвище', которое В. И. Абаев вряд ли обоснованно объясняет из *færsnomyg 'стороннее имя' [АБАЕВ 1958: 461]. Ср. в русском выражение «за ним закрепилось прозвище». Ср. также английское *to name after* 'называть в честь'.

Согд. *w'tp'd* 'быстрый, стремительный', букв. 'ветроногий' [с. 61]. В языке осет. эпоса самых быстрых коней называют производными от *wad* 'ветер': *waddymd* 'быстрый, стремительный (о лошади)', букв. 'дуновение ветра', *wadsur* то же, букв. 'нагоняющий ветер', *wadynz bæx* 'быстрый конь', букв. 'конь-дуновение ветра' [Дзиццойты 2017: 146–147, 154].

6. Выводы

История праиранского *p в осетинском языке — это едва ли не самая загадочная позиция во всей исторической фонетике этого языка. Принято считать, что в инициальной и ауслатной позициях древнеиранский *p в осетинском языке перешел в f [АБАЕВ 1965: 33; ЭДЕЛЬМАН 1986: 185; THORDARSON 1989: 464; ЧЕНГ 2008: 25]. Как полагают, этот переход свершился не раньше II в. н. э., возможно, под влиянием европейских языков [АБАЕВ 1965: 33–35; THORDARSON 1989: 464]. Что касается интервокальной и постсонорной позиций, то там др.-иран. *p перешел в b, а затем в иронском и кударском диалектах изменился в v. Интервокальный b сохранился в некоторых словах дигорского диалекта, и намного реже — в некоторых словах иронского и кударского диалектов [МИЛЛЕР 1962: 62; VIELMEIER 1977: 34–35; ЭДЕЛЬМАН 1986: 185; THORDARSON 1989: 464].

Однако в исследовании М. И. Исаева находим весьма неопределенное утверждение о том, что др.-иран. *p «в осетинском перешел в f, v, b» [ИСАЕВ

1987: 567]. С другой стороны, Дж. Чёнг утверждает, что др.-иран. **p* в поствокальной позиции перешел в осетинском в *v* [ЧЁНГ 2008: 25]. Поскольку при этом промежуточный **b* не упомянут, утверждение Дж. Чёнга следует понимать в том смысле, что др.-иран. **p* перешел непосредственно в *v*.

В. И. Абаев полагал, что в отдельных случаях можно говорить о переходе др.-иран. **p* в осет. *w* [АБАЕВ 1989: 72, 148], и эта позиция нашла поддержку в исследовании Д. И. Эдельман [ЭСИЯ, IV: 233].

В одной из своих работ Г. В. Бейли пытался доказать, что др.-иран. **p* мог сохраняться в осетинском языке и без каких-либо изменений как в анлауте, так и в инлауте [BAILEY 1958: 538–539].

Таким образом, рефлексы рассматриваемого губного оказываются довольно многочисленными и не всегда понятными, что заставило нас вернуться к этой проблеме с учетом предложенных выше этимологий.

6.1. Следует отметить, что развитие **p > осет. b* в интервокальной позиции представляется нам бесспорным. Так, праиранский префикс **upa-* в осетинском языке представлен в форме *ba-*, ср.: праиран. **upa-had-* > осет. *badyn* ‘сидеть’ [АБАЕВ 1958: 230–231], праиран. **upā-padam* (или **upa-ati-pada-* [ЧЁНГ 2008: 238]) > осет. *bajvæd* ‘по своим следам’ [АБАЕВ 1958: 232], праиран. **upa-āsa-* > осет. *bas* ‘похлебка’ [ТАМ ЖЕ: 239], праиран. **upasta-* (или **upastai* [ЧЁНГ 2008: 242]) > осет. *bæstæ* ‘страна’ [АБАЕВ 1958: 254–255], др.-иран. **upā-ɥara-* > осет. *bwar* | *bawær* ‘тело’ [ТАМ ЖЕ: 275]. Эти примеры абсолютно надежны, а расхождения между этимонами у В. И. Абаева и Дж. Чёнга не затрагивают интересующее нас развитие **VpV > bV*, и потому для нашей темы несущественны.

Зафиксированы также примеры отражения праиран. **p > b* после преверба *a* (см. выше *abuzyn* | *abuzun* ‘вздуваться’ < др.-иран. **ā-* + **puz-*), ввиду особой «выразительности» губных *p*, *b* [АБАЕВ 1958: 24–25].

Таким образом, можно было бы заключить, что праиран. **p* в интервокальной позиции в осетинском языке регулярно отражается в виде *b*. Однако этому утверждению противоречит целый ряд примеров, свидетельствующих о развитии **p > f* в интервокальной позиции: *afæz* ‘год’ < **āpati-* [АБАЕВ 1958: 30–31, 32], *afon* ‘пора; время’ < **āpana-* [АБАЕВ 1958: 31–32], *afun* ‘достигать нужного уровня’ < **āp-* + суфф. [АБАЕВ 1958: 33–34] и пр. Возражая против этих этимологий, Дж. Чёнг отмечает, что «интервокальное **-p-* в осетинском дает звонкий *-v-*», ссылаясь на примеры типа *æxsæv* | *æxsævæ* ‘ночь’ < др.-иран. **xšapā-* и пр. [ЧЁНГ 2008: 207–208]. Однако, обсуждая происхождение слова *ruvas*, *rubas* | *robas* ‘лиса’ из др.-иран. **raupāša-*, он, словно забыв о своем замечании, пишет совершенно противоположное: «иронский вариант *ruvas* озадачивает: он до сих пор не имеет убедительного объяснения» [ТАМ ЖЕ: 311–312]. Таким образом,

здесь закономерным признается развитие **-p- > -b-* в интервокальной позиции, а появление *-v-* в этой же позиции «озадачивает». Более того, осет. *safyn* ‘терять; губить’ возводится к этимону ** μ i-šāpa(ia)-*, а появление интервокального *-f-* объясняется парадигматическим выравниванием по форме причастия прош. времени *sæft*, как это имело место и в случае с *rægafæn kænun* ‘задирать; провоцировать’, *wafyn* : *wæft* ‘ткать’ [ТАМ ЖЕ: 305, 312–313].

Между тем, трудно говорить о прямом переходе др.-иран. **p >* осет. *v*. Один из наиболее показательных примеров, приводимых в поддержку такого развития, это осет. *avg* | *avgæ* ‘стекло’, возводимое к др.-иран. **āp(a)kā-* [АБАЕВ 1958: 84–85; ЧЁНГ 2008: 25]. Однако, судя по адыгскому заимствованию *abž* | *apč* ‘стекло’ [ШАГИРОВ, I: 55], аланская форма этого слова выглядела как **abg(æ)*. Поэтому для нас несомненно, что интервокальный **p* в раннеосетинском перешел сначала в **b*, а затем произошла его спирализация *b > v*. Этот путь эволюции др.-иран. **p* на осет. почве представляется нам более вероятным еще и потому, что он совпадает с судьбой древнеиранского интервокального **-p-* в памирских языках [ДЗИЦКОЙТЫ 2020]. Таким образом, речь идет, скорее всего, о явлении общевосточноиранского уровня.

Развитию др.-иран. **pt >* осет. *ft* (ср. *wafyn* : *waft* ‘ткать’) предшествовали два промежуточных этапа. Об этом говорит сванское *t'ebdi* ‘теплый’, заимствованное из осет. *tævd* | *tævdæ* ‘горячий’ [АБАЕВ 1979: 283; КЛИМОВ 1998: 207–215]. Осетинское слово обычно возводят к др.-иран. **taftā-* [АБАЕВ 1979: 283; ЧЁНГ 2008: 326], однако наиболее древние соответствия свидетельствуют в пользу формы **taptā-*, ср. авест. *hqm.tapta-*, санскрит. *taptā-* ‘знойный, жаркий, раскаленный’ [ЧЁНГ 2008: 326]. А если учесть еще и сванское заимствование, указывающее на аланское **tæbdæ*, то история рассматриваемого кластера на осетинской почве выглядит так: **pt > *bd > vd > ft*. Следовательно, и др.-иран. **hapta-* ‘семь’ в древнеосетинском было преобразовано не в **aft > avd*, как полагает В. И. Абаев [1949: 167], а в **abda- > *ævdæ > avd*, о чем свидетельствует и аланское *-αβδα* ‘семь’, зафиксированное в топониме *'Αρδάβδα* «место, посвященное семи богам» [АБАЕВ 1949: 155, 167–168]. Здесь алан. *-αβδα* отражает не */*avda/*, а */*abda/*.

Неудивительно, что причастие прош. времени от глагола *sk'æfyn* ‘хватать; похищать’ в дигорском диалекте имеет две формы — *sk'aft* и *sk'avd* [АБАЕВ 1979: 121], первая из которых представляется нам вторичной. То что в этом и подобных примерах речь должна идти об оглушении первоначально звонкой группы *-vd- > -ft-* видно и по аналогии с развитием **-kt- > -gd- > -γd- > -xt-* в слове *сyxт* | *ciγd* ‘сыр’ при др.-инд. *tikta-* ‘острый, горький’: «в дигорском диалекте сохраняется более старая форма» [ЭДЕЛЬМАН 1986: 150].

Интересна также история осет. *kafyn* : *kaft* | *kafun* : *kaft*, *kavd* ‘танцевать’. И здесь из двух дигорских форм причастия прош. времени древней является *kavd*, а вторичной — *kaft*. Основу глагола *kafyn* мы связываем с праиран. **ka(m)p-* ‘качать(ся), дрожать, трясти(сь)’ [ЭСИЯ, IV: 199], а кабардинское *qafən* ‘плясать’, вслед за Л. Лопатинским [1891: 114], выводим из осетинского.

Таким образом, в случае, если Дж. Чёнг прав, то появление интервокального *-f-* в причастиях прош. времени — явление сравнительно позднее, обязанное своим происхождением преобразованию кластера **-pt- > *-bd- > -vd- > -ft-* с последующим выравниванием основы инфинитива по этому *-f-*. К этой же категории основ относятся глаголы *k'æfyn* : *k'æft* ‘лизать’, *særfyn* : *særfi* ‘вытирать’, *st'æfyn* : *st'æft* ‘вздрагивать’, *tæfyn* : *tæft* ‘ёрзать, дёргаться’, *ulæfyn* : *ulæft* ‘дышать’, *xafyn* : *xaft* ‘тереть, стирать’, *x"yufyn* : *x"yuft* ‘кашлять’ и пр. Но при таком толковании остаются необъясненными случаи сохранения кластера *-vd-* (из **-bd- < *-pt-*) в таких глаголах, как *ælqivun* : *ælqvvd* ‘сжимать, сдавливать’, *kuvun* : *k"yvvd* ‘молиться’, *ruvun* : *ruvd* ‘полоть’ и пр. В чем разница между этими и предыдущими глаголами? Почему кластер *-vd-* не подвергся в них оглушению? Сегодня трудно ответить на этот вопрос. Насколько можем судить, первая группа глаголов, в которой кластер *-vd-* подвергся процессу оглушения, обладает экспрессивной коннотацией. Возможно, это и стало причиной оглушения указанного кластера.

Совершенно иного происхождения кластер *-ft-* в слове *ræftiæ* ‘полдень’ < **rapitwā-* [АБАЕВ 1973: 365–366], где *f*, очевидно, непосредственно из др.-иран. **p* под влиянием соседнего **i*. Точно такое же происхождение имеет *f* в гидрониме *Æræf* | *Iræf*, который мы возвели к праформе **ṛ-apa-* ‘текущая вода’. Отгалкиваясь от нашей этимологии, А. И. Илиади возвел компонент *араб* в гидрониме *Старый Арабь* — приток Горохуватки — к аланскому **ar-ab*, который рассматривает как «вариант с диалектной трактовкой **apa-* как **ab*, отличной от продолжения того же **ṛ-apa-* в осетинском гидрониме *Æræf*» [Илиади 2021: 503]. Между тем, как мы видели выше, адыгское *абдж*, заимствованное из осет. *avg* ‘стекло’ (< **āp(a)ka-*), подсказывает, что аланским рефлексом иранского **apa-* было именно **ab*, а не **æf*. Поэтому украинский гидроним является вполне закономерным рефлексом древнеиранской основы, тогда как компонент *æf* в *Æræf* следует возвести к форме женского рода **āpi-* от той же иранской основы **apa-*.

6.2. Наш материал позволяет присоединиться к высказывавшемуся ранее мнению о том, что праиран. анлаутный **p-* в осетинском языке нередко отражается в виде *b-*. Например, осет. *bædul* ‘курочка’ возводится к праиран. **pat-* ‘летать; птица’ [АБАЕВ 1958: 244], осет. *bælas* ‘дерево’ под

вопросом связывается с др.-инд. *palāśa-* ‘листва’ [ТАМ ЖЕ: 247]⁵, а осет. *bycæw* ‘спор’ возводится к др.-иран. **pat-čau-* [ТАМ ЖЕ: 275–276]. Ср. также «детское» *bækk*ⁿу ‘яблоко’ из обычного *fætk*ⁿу id. К этому списку теперь можно добавить рассмотренные нами примеры: *baba*; *bar*; *barz*; *baryn*; *Batyræz*; *bælon*; *bællyn*; *bælvyrð*; *bær*; (*æm*)*bær*; *bæragæ*; *bæræg*; *bærc*; *bærgæ*; *bærk’a*; *bærn*; *bærdyn*; *bægæny*; *becykk*; *bic’i*; *bik’*; *bilc’* | *birc’*; *biss*; *boda*; *buk’*. Развитие **p- > b-* в этих примерах, на наш взгляд, подчинено требованиям экспрессии.

Эта же причина лежит в основе развития **p- > p-*, предполагавшегося Г. В. Бейли (см. выше). В. И. Абаев отрицал такую возможность развития: «сохранение начального *p* в исконно иранском слове (без перехода *p > f*) представляется крайне сомнительным» [АБАЕВ 1973: 241]; «начальный *p* в исконных иранских словах не встречается» [ТАМ ЖЕ: 242]. Однако при анализе слова *rixcæ* ‘лыко’, возведенного к др.-иран. **puxti-*, он уже говорит об «идеофоническом сохранении *p*» [ТАМ ЖЕ: 244], невольно подтвердив тем самым предположение Г. В. Бейли. Примеров на это развитие намного больше (хотя не все этимологии могут подтвердиться): *picyx*; *pillon*; *pisykk*; *puff*; *pusi*; *pix* | *pox*; *puzagæ*; *pyrx* | *purx(æ)*, *purf*; *pusykk*; *pyssy*; *pysul*.

Аналогичное предположение следует сделать в отношении развития **p > p’*: *amp’ez*; *æmp’uzyn*.

6.3. Общий вывод из сказанного можно сформулировать так.

Праиранский инициальный **p-* в осетинском обычно переходит в *f-*, однако, в словах с экспрессивной коннотацией возможны рефлексы *b-*, *p-*.

Праиранский интервокальный и постсонорный **-p-* обычно переходит в *-b-*, который, подобно рефлексам интервокального и постсонорного **-b-*, часто подвергается спирализации.

Праиранский кластер **pt* отражается в виде **bd*, который обычно переходит в *vd*, а этот кластер, в свою очередь, иногда подвергается оглушению *ft*.

Интервокальный *-f-* из **-p-* обычно появляется в позиции перед (или после) **i*, а также **š* (**pš / ps > fs*, примеры в этой статье не рассматриваются).

Древнеиранские основы, исходящие на согласный, в осетинском теряли свой ауслат, поэтому в осетинском нет слов, исходящих на *-f* или *-b*, которые бы отражали праиранский **-p*. Современные осет. слова с ауслатными *-f*, *-b*, *-v*, отражают праиранский **-p-* в интервокальной или постсонорной позиции. Например, *æxsæv* | *æxsævæ* ‘ночь’ восходит не к др.-иран. **xšap-* [АБАЕВ 1989: 231], а к др.-иран. **xšapā-* [ЧЕНГ 2008: 207–208] и пр. И

⁵ Попытка связать это слово с праиран. **waraša-* ‘дерево’ (?) [BIELMEIER 1977: 127–128] вряд ли приемлема.

хотя у нас нет прямых на то указаний, нам представляется, что и в данной категории примеров **p* прошел через все те этапы эволюции, что и описанный выше интервокальный и постсонорный **p*.

6.4. В настоящей статье не рассматриваются все рефлексy праиран. **p* в осет. языке, однако уже сейчас ясно, что историческая фонетика осет. языка нуждается в серьезных коррективах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- АБАЕВ 1949 — *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- АБАЕВ 1958 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- АБАЕВ 1965 — *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука.
- АБАЕВ 1973 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука.
- АБАЕВ 1979 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.: Наука.
- АБАЕВ 1989 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука.
- АБАЕВ 1995 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. М.: Наука.
- АфгРС — *Асланов М. Г.* Пушту-русский словарь. 2-е изд. М.: Русский язык, 1985.
- Бейли 1990 — *Бейли Г. В.* Иранские заметки // ВДИ, № 4.
- БЕНВЕНИСТ 1965 — *Бенвенист Э.* Очерки по осетинскому языку / Пер. с франц. М.: Наука.
- БЛАЖЕК 2015 — *Блажек В.* *Irano-Slavica* — к хронологии старых иранских заимствований в славянских языках // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. IV. М. С. 70–100.
- ВИТЧАК 1992 — *Витчак К. Т.* Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкознания. № 5. С. 50–59.
- ГЕРЦЕНБЕРГ 1972 — *Герценберг Л. Г.* Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л.: Наука.
- ГРАНТОВСКИЙ 1970 — *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука.
- ГРАНТОВСКИЙ, РАЕВСКИЙ 1984 — *Грантовский Э. А.* и *Раевский Д. С.* Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья

- в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: лингвистика, история, археология. М.: Наука. С. 47–66.
- ГРЮНБЕРГ, СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ 1976 — *Грюнберг А. Л. и Стеблин-Каменский И. М.* Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М.: Наука.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 1992 — *Дзиццойты Ю. А.* Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартском эпосе. Владикавказ: Алания.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 2003 — *Дзиццойты Ю. А.* Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 2017 — *Дзиццойты Ю. А.* Вопросы осетинской филологии. Т. I. Цхинвал: Республика.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 2020 — *Дзиццойты Ю. А.* К осетинско-памирским изоглоссам // Иранское языкознание 2020. Труды международной научной конференции “Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения”. М.: Языки Народов Мира; НВИ. С. 184–197.
- ДЫБО 2010 — *Дыбо А. В.* [Рец. на:] В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. III. М.: Восточная литература, 2007 // Этимология-2006–2008. М.: Наука, 2010. С. 288–298.
- ИАЭД (II) — *Ирон æвзаджы æмбарынгæнæн дзырдуйт* / Толковый словарь осетинского языка. Т. II. М.: Наука, 2010.
- ИВАНОВ 1985 — *Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейские этимологии // Этимология-1983. М.: Наука, 1985. С. 160–166.
- ИЛИАДИ 2021 — *Илиади А. И.* Iranica в топонимии Поднепровья // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXV(1). Чтения памяти И. М. Тронского. СПб.: ИЛИ РАН. С. 502–513.
- ИСАЕВ 1987 — *Исаев М. И.* Осетинский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М.: Наука. С. 537–643.
- ИУД — *Ирон-уырыссаг дзырдуйт*. 3-аг баххæстгонд рауагъд. Орджоникидзе: Ир, 1970.
- КЛЕЙН 1975 — *Клейн Л. С.* Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и Нартский эпос // ВДИ. 1975, № 4. С. 14–27.
- КЛИМОВ 1998 — *Климов Г. А.* Картвельские аналогии индоевропейского **ter-* ‘быть горячим, теплым’ // *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday.* Rome. P. 207–215.
- ЛОПАТИНСКИЙ 1891 — *Лопатинский Л.* Краткая кабардинская грамматика // СМОМПК, вып. XII, отд. 2. Тифлис.
- ЛЫТКИН 1971 — *Лыткин В. И.* Этноним коми и гидроним Кама // Этнография имен. М.: Наука. С. 254–258.
- МИЛЛЕР 1882 — *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Ч. II. М.
- МИЛЛЕР 1962 — *Миллер В. [Ф].* Язык осетин / Пер. с нем. М.; Л.

- Орел 1986 — *Орел В. Э.* К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга // «Вопросы языкознания», № 5. С. 107–113.
- ПАХАЛИНА 1978 — *Пахалина Т. Н.* К истории показателей множественности в памирских языках // Актуальные проблемы иранской филологии. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та. С. 141–149.
- СЕДЛОВСКАЯ 1971 — *Седловская А. Н.* Этноним *Бирхор* // Этнография имен. М.: Наука. С. 27–29.
- ТОПОРОВ 1972 — *Топоров В. Н.* О происхождении нескольких русских слов (К связям с индо-иранскими источниками) // Этимология-1970. М.: Наука, 1972. С. 21–45.
- ТРУБАЧЕВ 1959 — *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР.
- «Ф» — журнал «Фидиуаг» (на осет. яз.). Цхинвал.
- ФАСМЕР (III) — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. Т. III. М.: Прогресс, 1987.
- ЦАГАЕВА 1975 — *Цагаева А. Д.* Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе: Ир.
- ЧЁНГ 2008 — *Чёнг Дж.* Очерки исторического развития осетинского вокализма / Пер. с англ. Владикавказ; Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева.
- ШАГИРОВ (I) — *Шагиров А. К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. I. М.: Наука, 1977.
- ЭДЕЛЬМАН 1986 — *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.: Наука.
- ЭДЕЛЬМАН 1994 — *Эдельман Д. И.* Состояние и перспективы сравнительно-исторической лексикологии иранских языков // Вопросы языкознания, № 3. С. 60–79.
- ЭДЕЛЬМАН 2009 — *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М.: Вост. лит.
- ЭСВЯ — *Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
- ЭСИЯ (I–III) — *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. ТТ. I (2000), II (2003), III (2007). М.: Вост. лит.
- ЭСИЯ (IV–VI) — *Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. ТТ. IV (2011), V (2015), VI (2020). М.: Вост. лит.
- BAILEY 1958 — *Bailey H. W.* Arya // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. XXI, Part 3. P. 522–545.
- BAILEY 1979 — *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge: Cambridge University Press.

- BAILEY 1980 — *Bailey H. W.* Ossetic (Nartä) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. London.
- BEEKES (I) — *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden / Boston: Brill, 2010. Vol. I, II.
- BIELMEIER 1977 — *Bielmeier R.* Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main / Bern / Las Vegas.
- BUCK 1949 — *Buck C.D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago ; London : Univ. of Chicago Press.
- EDIV — *Cheung J.* Etymological Dictionary of the Iranian Verb. Leiden / Boston, 2007.
- GERSHEVITCH 1955 — *Gershevitch I.* Word and Spirit in Ossetic // BSOAS, XVII. P. 478–489.
- LUBOTSKY 1998 — *Lubotsky A. M.* Avestan *xʷarənah-* : the etymology and concept // W. Meid (editor), Sprache und Kultur der Indogermanen. Innsbruck. P. 479–488.
- NCED — *Nikolayev S. L., Starostin S. A.* A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.
- RÄSÄNEN 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki.
- SZEMERÉNYI 1977 — *Szemerényi O.* Principles of Etymological Research in the Indo-European Languages // ETYMOLOGIE. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft. P. 286–346.
- THORDARSON 1986 — *Thordarson F.* An Ossetic Miscellany. Lexical Marginalia // *Kalyāṇamitrārāgaṇam.* Essays in honour of Nils Simonsson. Oslo. P. 277–286.
- THORDARSON 1989 — *Thordarson F.* Ossetic // *Compendium Linguarum Iranicarum.* Wiesbaden. P. 456–479.